

Редакция журнала «Философские науки» и Российский гуманитарный научный фонд настоящей рубрикой начинают публикацию аналитических обзоров издательских проектов, получивших поддержку РГНФ.

Открываем рубрику с анализа коллективного труда «Постигая добро», подготовленного сектором этики Института философии РАН, выход которого был приурочен к юбилею Рубена Грантовича Апресяна, доктора философских наук, члена редколлегии ФН, заведующего сектором этики ИФ РАН, члена Академии гуманитарных исследований.

Рубену Грантовичу АПРЕСЯНУ – 60!

МОРАЛЬ В РЕАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О.В. АРТЕМЬЕВА; А.В. ПРОКОФЬЕВ

Творчество Р.Г. Апресяна отличает разнообразие его исследовательских интересов и увлечений. Из его исследований и обсуждений складывается единая система, в центре которой – феномен морали во всем его разнообразии. И хотя эта система постоянно обновляется, ее суть остается неизменной. В рамках предлагаемой Р.Г. Апресяном теории мораль неотделима от культуры, от социального и коммуникативного опыта, отвечает фундаментальным потребностям человека. При этом человек понимается не как абстрактный изолированный субъект, а как «посюстороннее» – живое, ранимое, заинтересованное, глубоко связанное с другими людьми, включенное в разного рода сообщества и устремленное к возвышенному идеалу – существо.

Первые исследовательские опыты Р.Г. Апресяна, итогом которых стали кандидатская диссертация и книга¹, посвящены анализу английского новоевропейского этического сентиментализма. Благодаря Р.Г. Апресяну это направление в истории мысли, прежде известное лишь по изданиям справочного и обзорного характера, было не только представлено с достаточной полнотой, но и оказалось вписано в контекст теоретических обсуждений природы морали. Освоение сентименталистского учения о моральном чувстве как источнике морали стало одним из первых шагов к выработке им собственной концепции морали.

Последующее развитие этических взглядов Р.Г. Апресяна было опосредовано осмыслением некоторых философско-антропологических теорий, позволивших ему освободиться от давления историко-материалистических схем в истолковании морали. Пережитый им методологический поворот выразился в отказе от рассмотрения

морали как одной из функций общественного, в отказе от функционалистского подхода к объяснению морали, признании существенности ценностного содержания морали для понимания ее сущности, в утверждении того, что мораль, хотя и проявляется через социальные отношения, по своей природе все же «предсоциальна»².

На этой теоретической основе общего определения морали им были по-новому концептуализированы так называемые основные нормативно-этические программы, разработанные еще в книге «Постижение добра»³, а в развернутом виде представленные в монографии «Идея морали».

Особенность подхода Р.Г. Апресяна к определению «идеи» морали состоит в том, что он делает акцент на значимости содержательно ориентированной стратегии. Утверждаемое им единство нормативной и философской этики предполагает, что для понимания феномена морали, по меньшей мере, недостаточно анализировать ее формальные характеристики, отражающие способы функционирования морали. Приоритетное значение в понимании морали имеет ее нормативное содержание, выраженное, как считал Р.Г. Апресян в то время, в двух фундаментальных принципах — в золотом правиле и в заповеди любви. Мораль, стремится показать он, — это то, что повелевается данными императивами, и определяет ее как «совокупность ценностей, ориентирующих на духовно-возвышенный идеал человеческого единения, выражающийся в примиренности, солидарности, милосердной любви»⁴. Отталкиваясь от заповеди любви, задающей разновекторные ценностные ориентации — на высшее (на Бога) как универсальное и на Другого (ближнего) и противоположных им ориентаций — на партикулярное (материальные потребности) и Я (самого себя), Р.Г. Апресян выделил на пересечении этих систем координат четыре нормативные программы поведения человека — перфекционизм, альтруизм (агапизм), прагматизм и гедонизм. При этом он подчеркивает, что хотя данная ценностно-нормативная схема получена на основе заповеди любви, ее нельзя считать исключительной для иудео-христианской традиции. В таком же виде она встречается и в античной традиции, что объясняется ее релевантностью фундаментальным антропологическим и социальным характеристикам человека.

Со временем это понимание морали трансформировалось во многом под влиянием расширения сферы его исследований и обнаружившегося интереса к определению места морали в социально-политической практике.

Дальнейшие исследования Р.Г. Апресяна во многом полемичны по отношению к тем установкам, которые сложились в современной отечественной этике. Прежде всего, это коснулось уточнения этического статуса принципа ненасилия. Полемизируя с формулой «ненасилие — синоним этики», Р.Г. Апресян приходит к выводу, что

евангельская формула «Не противься злему» лишь «ограниченно однозначна и универсальна и, следовательно, не абсолютна». У нее есть более широкий нормативный контекст — как внутри христианской этики, так и внутри морали как таковой. Этот контекст ограничивает ее «безапелляционное» применение и определяется ответственностью за положение другого человека как объекта любви, заботы и уважения. Применение силы является в принципе оправданным, когда тот оказывается жертвой агрессии. Даже в рамках христианского нравственного учения «заповедь “Не противься злему” представляет лишь одну сторону медали, на другой же начертано “Мне отмщение, Аз воздам”»⁵. По убеждению Р.Г. Апресяна, этическая ограниченность абсолютизации идеи ненасилия состоит в том, что попытки ее безусловной реализации в практике человеческих отношений неизбежно приводят к потворству злу.

Отвергая абсолютизацию заповеди ненасилия, Р.Г. Апресян поставил вопрос о возможности нравственной реабилитации применения силы в ответ на совершаемое зло, в частности, предполагаемой правилом талиона. Такая реабилитация, в его понимании, требовала, во-первых, уточнить понятие насилия, во-вторых, определить принципы, в соответствии с которыми должен действовать человек, предотвращающий, пресекающий или наказующий насилие. Речь идет о принципах, задающих четкие этические границы ответного применения силы и определяющие, таким образом, его нравственную оправданность.

Понятие насилия Р.Г. Апресян определяет в соотнесении со справедливостью и правом. Насилие — это действие, «неправомерно и вопреки воле человека понижающее его нравственный (духовный), социальный (экономический, гражданский, политический) и жизненный статус, а также угроза совершения этого действия»⁶. Пропорциональное противодействие так понятому насилию само не является насилием, оно также не является и злом. Поэтому в отношении противодействия насилию, пусть и силовому, неправомерен аргумент сторонников этики ненасилия, состоящий в том, что зло победить зло невозможно.

Сама идея реабилитации талиона и этические принципы, регулирующие применение силы, были осмыслены Р.Г. Апресяном во многом в результате опыта работы в международном проекте по теории справедливой войны. Итогом этого проекта стала коллективная монография «Нравственные ограничения войны», одним из авторов которой был Р.Г. Апресян⁷. В отечественной этике этический анализ критериев оценки военных действий был скован догматическими рамками марксистско-ленинской идеологии. Между тем в мировой этике, со времен Вьетнамской войны, теория справедливой войны оказалась важнейшей точкой пересечения академических исследований

и общественно-политического дискурса. Р.Г. Апресян стал одним из инициаторов применения опыта обсуждения этической оправданности военной силы в российском интеллектуальном контексте. Теория справедливой войны, во-первых, указывает на общее нравственное целеполагание применения вооруженной силы — война должна вестись ради достижения мира и создания условий для его сохранения. Во-вторых, она определяет основания применения вооруженной силы — агрессия или иные массовые нарушения фундаментальных прав человека. В-третьих, она устанавливает уполномоченных субъектов применения вооруженной силы — законные правительства, а в их составе — наделенные этой функцией органы. В-четвертых, она требует, чтобы сомнительные с точки зрения морали средства использовались лишь в случае отсутствия альтернативных способов решения проблемы. В-пятых, она настаивает на исключении эксцессов применения силы, связанных с партикулярными интересами отвечающей на насилие стороны. Наконец, она вводит критерии пропорциональности применяемой силы и успешности достижения целей.

Своеобразие подхода Р.Г. Апресяна к теории справедливой войны состоит в том, что, вполне отдавая себе отчет в специфичности этой теории, он показывает, что ее этический смысл выходит за рамки военной политики. Принципы справедливой войны Р.Г. Апресян предлагает рассматривать в более широком контексте — как принципы, регулирующие применение пресекающей и подавляющей силы, задающие этические рамки силового сопротивления. Он оправдывает применение «ограничивающей и ограниченной силы» безусловным принципом противостояния злу и требованием недопущения несправедливости.

Р.Г. Апресян видит возможность рассматривать принципы справедливой войны как конкретизацию и гуманизацию талиона, который по своему смыслу также представляет собой нормативный инструмент ограничения силы. По убеждению Р.Г. Апресяна, талион нуждается в переосмыслении как принцип, во-первых, моральный по сути и, во-вторых, рядоположенный золотому правилу и заповеди любви.

Главную особенность талиона Р.Г. Апресян видит не в однозначной возвратности вменяемых действий, а в том, что он задает меру наказания за нанесенный ущерб. Размышляя о реактивности и инициативности действий, задаваемых талионом и золотым правилом, Р.Г. Апресян сконструировал инициативное правило в логике талиона, которое в точности совпало с негативной формулировкой золотого правила. Он также показал, что позитивная формулировка золотого правила соотносится с реактивным правилом благодарности, которое хоть и противоположно по содержанию талиону, по нормативной логике идентично ему. В результате проведенного исследования, Р.Г. Апресяну удалось установить родство требований двух этических систем:

этики взаимности (включающей в себя правило благодарности и правило возмездного воздаяния) и этики золотого правила. Это стало основанием для важного вывода о континуальности нормативного мышления: золотое правило возникает не вследствие революции в моральном сознании, отрицающей предшествующие императивы, оно развивается из этики взаимности, и закон талиона представляет собой один из источников золотого правила. Опираясь на анализ ветхозаветных текстов, Р.Г. Апресян выявил переходные нормативные формы, обеспечивающие эту континуальность.

Тезис о континуальности нормативного мышления был подтвержден и в ходе масштабного генеалогического исследования морали на материале древних литературных памятников, преимущественно эпоса Гомера и древнеассирийской повести об «Ахикаре Премудром» (VII в. до н.э.), к которому Р.Г. Апресян обращается в 2000-е гг. Особого упоминания заслуживает новационный метод исследования древних текстов, который Р.Г. Апресян обозначил как «концептуальную экспликацию рудиментарного нормативного содержания»⁸. Данный метод предполагает анализ ценностно-нормативного содержания древних текстов с точки зрения того понимания морали, которое «привычно современному человеку иудейско-христианской культуры» и которое обобщено и нормативно закреплено в фундаментальных моральных принципах. Р.Г. Апресян предположил, что вмняемое этими принципами содержание в неявном виде может быть обнаружено в древних текстах, пока еще вполне «синкретичных» с точки зрения их нормативно-ценностного содержания. На основе проведенных исследований Р.Г. Апресян показал, что уже в древних обществах, с доминирующим этосом пруденциальной взаимности, на уровне коммуникативной практики и ее рефлексии, не обязательно нормативно оформленной, наличествуют тенденции, соответствующие по смыслу золотому правилу и заповеди любви. Иными словами, в разных формах, пусть и не на уровне сформулированных норм и принципов, все три фундаментальные императива так или иначе соприсутствуют в реальной практике человеческих отношений. Золотое правило не отменяет талион, как не отменяет талион и золотое правило заповедь любви, — в разных нормативных конфигурациях они дополняют друг друга.

Таким образом, Р.Г. Апресян расширил нормативные границы морали: все три принципа, а не только золотое правило и заповедь любви, по его убеждению, в единстве выражают «идею» морали. Этическая значимость талиона определяется тем, что он устанавливает меру сопротивления злу и пресечения зла, когда на кону стоят не только собственная жизнь и благополучие человека, но также жизни и благополучие других людей и когда «угроза решительного отпора является единственным условием ограничения и подавления потенциального злодея». Талион, таким образом, следует воспринимать

как «последнюю возможность сохранения человечности в непригодных для человечности обстоятельствах, подобных тем, что передаются нормативной моделью “войны всех против всех”»⁹.

За этической реабилитацией талиона стоит четкое осознание того, что человек наиболее остро нуждается в этике, соответствующей условиям неидеального мира, в котором живет. Мораль востребована не только в ситуациях, когда человек имеет возможность совершать, выражаясь языком Аристотеля, произвольные и преднамеренные поступки, но и в ситуациях, когда свобода выбора жестко и жестоко ограничена и человеку приходится принимать такие решения, которые бы он никогда не принял в обычных условиях. Р.Г. Апресян подчеркивает исключительность ситуаций, в которых поступки по логике талиона являются единственно приемлемыми именно с моральной точки зрения: к этике талиона следует переходить лишь когда все возможности исчерпаны, когда реактивное действие уже не может полагаться ни на этику любви, ни на этику прав и обязанностей в ее либеральной версии¹⁰.

Анализ ригористичной абсолютистской позиции в отношении к нравственным императивам не ограничивается у Р.Г. Апресяна этикой ненасилия. Та же логика деабсолютизации, с его точки зрения, должна быть применена и к другому существенному для морали запрету — запрету на ложь. «Такие общие моральные принципы, как «Не лги», «Не причиняй насилия», а также «Не вреди», «Делай добро», — утверждает он, — не имеют прямого действия... Они выполняют роль ценностных ориентиров, принципиальных установок в принятии человеком морально оправданных решений. Однако без их адаптации к конкретным человеческим ситуациям, в нравственном отношении поливекторным и разнокачественным, легко можно прийти к результатам, прямо противоположным тому, что эти общие принципы утверждают»¹¹.

Для развернутой демонстрации этой мысли Р.Г. Апресян избрал известную ситуацию, ставшую основой кантовского рассуждения о лжи в заметке «О праве лгать из человеколюбия». В ней домохозяин, стоит перед выбором солгать или сказать правду на прямой вопрос злоумышленника о местонахождении преследуемого этим злоумышленником друга. Р.Г. Апресян указывает на парадоксальность позиции Канта, отстаивающего ситуационно нечувствительную правдивость, трудно объяснимое невнимание Канта к тому обстоятельству, что основной особенностью данной ситуации является смертельная опасность, грозящая невинному человеку, который доверился главному действующему лицу: «У Канта определенно получается, что абстрактная справедливость выше блага конкретного другого, конкретный другой оказывается средством для нравственного совершенствования человека»¹².

На основе генеалогического исследования морали Р.Г. Апресян показал, что архаическое мышление не знает отлитых в хорошо известных нам формулах объективных универсальных требований; императивность такого мышления скрыта за его «нарративно-ситуативным характером». Она вплетена в «ткань живых человеческих отношений» и формируется «в единичном и индивидуальном, межиндивидуальном опыте общения, противостояния, разрешения конфликтов»¹³. Именно опыт непосредственных человеческих отношений, а не нормы представляет собой базовый уровень морали и не только в историческом, но и в онтологическом плане¹⁴. Исторически этот опыт обобщается в нарративе и лишь затем оформляется в нормы: сначала как рецепт «локально-ситуативного действия», затем в виде «надситуативной прескрипции». Воспринимаемые изначально как рекомендации, эти прескрипции постепенно трансформируются в обязательные для исполнения требования. Позже они освобождаются от породивших их конкретно-ситуативных контекстов, воспринимаются как самодовлеющие и единственно представляющие мораль. Таковы и этапы становления фундаментальных моральных императивов¹⁵.

Р.Г. Апресян признает, что вне «универсально-культурной определенности» мораль бы не имела присущей ей силы. Однако мораль отнюдь не сводится к нормативно обобщенным и универсальным ценностям и принципам. Именно об этом и свидетельствует обнаруженный в ходе генеалогического исследования факт, что мораль существует и вне принципов и изначально она именно так и существует. Укорененность морали в реальности человеческих отношений является залогом живительности силы норм, в которых она объективируется¹⁶. Отсюда следует, в частности, заключение, что конкретные моральные решения должны определять не только принципы, но и потребности практики человеческих отношений. Если при выборе и совершении поступков мы будем полагаться исключительно на принципы, которые воспринимаем как безусловные и абсолютные, и игнорировать при этом обстоятельства и вовлеченных в ситуацию конкретных людей, мы неизбежно будем принимать ущербные, сомнительные с моральной точки зрения решения. Это и вытекает из логики рассуждения Канта в вышеупомянутом эссе.

Обсуждая реабилитацию талиона, Р.Г. Апресян пришел к выводу, что «теоретически-концептуальными факторами» игнорирования роли талиона для современной морали являются как раз «одномерное восприятие морали в контексте этики совершенства и личного выбора» и отсутствие должного внимания к «социальной этике, для которой человек выступает главным образом как носитель прав и обязанностей, как субъект поступков и объект воздаяний (наград и наказаний), как участник контрактных, корпоративных, коммунитарных и т.п. отношений»¹⁷.

Понимание специфики этих двух подсистем морали, или этик, существенным образом скорректировало его видение магистральных тенденций истории этической мысли. Р.Г. Апресян увидел, насколько часто различные мыслители приближались к представлению о двух моральях или высказывали его напрямую. Данная мысль стала лейтмотивом его реконструкции содержания и путей развития этических учений эпохи Нового времени в учебнике «История этических учений». «На протяжении нескольких веков новоевропейской этики в ней можно отчетливо проследить две тенденции... Первая — понимание человека как общественного индивида и понимание морали как общественной морали, и вторая — понимание человека как устремленной к идеалу личности и, соответственно, понимание морали как пути совершенствования»¹⁸. Эти тенденции прослеживаются в этике правителя и этике спасения души Н. Макиавелли, естественном и божественном законе Г. Гроция, законе репутации, гражданском законе и божественном законе Дж. Локка, этике естественного и гражданского состояния Т. Гоббса и Ж.Ж. Руссо, естественных и искусственных добродетелях Д. Юма, морали и нравственности Г.Ф.В. Гегеля, рабской и аристократической морали Ф. Ницше.

К середине 2000-х гг. отдельные догадки и историко-этические наблюдения Р.Г. Апресяна сложились в целостную концепцию общественной морали. «Концепт “общественная мораль”, — пишет Р.Г. Апресян, — призван отражать воплощенность в обществе в целом и различных его сферах — политически-административной, хозяйственной, потребительской, рекреационно-реабилитационной, культурной (в функциональном смысле, т.е. сфере воспроизводства и развития знаний, норм и ценностей, обеспечивающих эффективность жизнедеятельности) — основополагающих и универсальных... принципов»¹⁹. Задаваясь вопросом о месте общественной морали в рамках морали в целом, Р.Г. Апресян обсуждает две теоретические модели. В рамках первой общественная мораль формируется за счет реалистической проекции индивидуальной морали, которая обозначается также с помощью слов «идеальная», «абсолютная», «перфекционистская», в область социальных отношений и жизни больших и организованных человеческих сообществ. В рамках второй модели индивидуальная и общественная мораль представляют собой два самостоятельных механизма регулирования поведения, конкретизирующих некое общее, еще не индивидуальное и не общественное, нормативное содержание морали. Однозначный ответ на вопрос о правильности той или иной модели Р.Г. Апресян не дает, обе модели имеют свои недостатки и преимущества, однако само их выявление заставляет его читателей по-новому ставить вопрос о природе морали и по-новому видеть целый ряд проблем прикладной и профессиональной этики.

Практически все исследования Р.Г. Апресяна находят продолжение в организованных им коллективных исследовательских и дискуссионных проектах. Благодаря его инициативе и усилиям были проведены широкие философские дискуссии о природе общественной морали и праве на вынужденную ложь, которые дали начало журнально-книжным проектам²⁰.

Теоретические начинания Р.Г. Апресяна, будь то нормативная этика, генеалогия морали, философия любви, экологическая этика и др., также находят продолжение и в его университетских спецкурсах. Р.Г. Апресян многое делает для сохранения и продвижения этики в системе высшего образования. На это были направлены задуманные им и успешно реализованные международные образовательные проекты «Развитие этического образования в высшей школе» и «Экологическая этика в преподавании гуманитарных и социальных дисциплин»²¹.

Значительным из реализованных проектов по систематизации и развитию этического знания стало издание энциклопедического словаря по этике²², осуществленное совместно с академиком РАН А.А. Гусейновым.

В последние годы Р.Г. Апресяна все больше привлекают этико-прикладные проблемы, и он по мере возможности включается в их изучение. У него сложился интересный опыт гуманитарной экспертизы общественно-значимых проектов, разработки этико-нормативных документов. Большую роль в этом сыграла его деятельность в качестве члена Комиссии ЮНЕСКО по этике научного знания и технологии и ряда экспертных групп по конкретным проблемам.

Участие Р.Г. Апресяна в академических событиях и проектах не остается незамеченным. Недавно ему было присвоено звание почетного доктора Упсальского университета.

Хочется пожелать Р.Г. Апресяну насыщенной творческой жизни, оригинальных идей, их воплощений, а также того, чтобы все его жизненные обстоятельства этому только благоприятствовали!

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Апресян Р.Г. Из истории европейской этики Нового времени (этический сентиментализм) – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

² Апресян Р.Г. Природа морали // Философские науки. 1991. № 12. С. 53 – 64; Апресян Р.Г. Первичные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 32 – 64; Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: ИФРАН, 1995.

³ См.: Апресян Р.Г. Постигание добра. – М.: Мол. гвардия, 1986.

⁴ См.: Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: К шестидесятилетию Рубена Грантовича Апресяна: сб. статей / отв. ред., сост. О.В. Артемьева, А.В. Прокофьев. – М.: Альфа-М, 2013. С. 29.

⁵ Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 147.

- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. – М.: Гардарики, 2002.
- ⁸ Апресян Р.Г. Истоки морали в архаическом обществе. На материале «Илиады» // Человек. 2011. № 3. С. 23.
- ⁹ Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 83.
- ¹⁰ См. там же. С. 84.
- ¹¹ Апресян Р.Г. О праве лгать // Логос. 2008. № 5. С. 18.
- ¹² Там же. С. 10.
- ¹³ Там же. С. 21.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 24 – 25; Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро. С. 37 – 38.
- ¹⁶ См.: Апресян Р.Г. Коммуникативный источник морального долженствования // Этическая мысль. Вып. 11 / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН. С. 27.
- ¹⁷ Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов. С. 80.
- ¹⁸ Апресян Р.Г. Европа: Новое время // История этических учений / под общ. ред. А.А.Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. С. 555.
- ¹⁹ Апресян Р.Г. Понятие общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: Альфа-М, 2009. С. 25.
- ²⁰ Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / отв. ред. Р.Г. Апресян. – М.: Альфа-М, 2009; Логос, 2008. № 5: О праве лгать / ред.-сост. номера Р.Г. Апресян. – М.: Логос, 2008; О праве лгать / сост. и ред. Р.Г. Апресян. – М.: РОССПЭН, 2011.
- ²¹ Оба проекта были поддержаны Open Society Institute – Soros Foundation, а также Российской Академией наук (первый проект) и Московским Бюро ЮНЕСКО (второй).
- ²² Этика: энциклопедический словарь / под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001.

Аннотация

В очерке, подготовленном к юбилею известного российского этика Рубена Грантовича Апресяна, прослеживается эволюция его идей, показан его вклад в развитие современной этики и этического образования.

Ключевые слова: Р.Г. Апресян, мораль, этика, природа морали, природа долженствования, генеалогия морали, этика силы, этика ненасилия, талион, золотое правило нравственности, заповедь любви, философия любви.

Summary

This essay, prepared for the anniversary of the distinguished moral philosopher Ruben G. Апресян, traces the development of his ideas and demonstrates his contribution to contemporary ethics and etics education.

Keywords: Ruben G. Апресян, morality, ethics, nature of morality, nature of moral imperativity, genealogy of morality, ethics of force, ethics of non-violence, lex talionis, the Golden Rule, the Commandment of Love, philosophy of love.